

рина Я.Н. Одоевского московские стрельцы под командой Б. Карсакова и Л. Секерина продемонстрировали калмыцким гостям показательные стрельбы из ружья и метание ручных гранат, что вызвало восторг и одобрение со стороны калмыков.

На следующий день, 28 февраля, из Астрахани к тайшам отправили дьяка П. Самойлова с государевым жалованьем, состоящим из продуктов (вино, мед, пиво, хлеб, калачи), табака, шуб и шапок, а ближним их владетельным людям – сукно, меха выдры и кожа. Также это жалованье предназначалось и тем владельцам, кто не смог приехать на съезд и оставался в улусах. 1 марта воеводы отправили Аюке уже денежное жалованье в 580 рублей за предыдущий 1672 год. При передаче тайшам денег и вещей присутствовал и К.М. Черкасский. Уже 2 марта калмыцкая делегация выехала на реку Кума, где оставались их улусы [2, с. 66 – 67].

Отличительной особенностью шертной записи от 27 февраля 1673 г. от предыдущих заключалась в том, что она была составлена в соответствии со всеми требованиями правовых документов XVII века. Проект документа первоначально был подготовлен в Калмыцком приказе и согласован с Посольским приказом, а затем представлен к слушанию на Боярской Думе. После повторного слушания на Боярской Думе уже с участием царя Алексея Михайловича, надо предполагать, проект получил одобрение и рекомендацию к подписанию. Таким образом, шерть 1673 г. имела юридическую силу закона, поскольку была составлена с соблюдением всех требований и элементов формуляра [5, с. 97 – 98]. Следующая шерть была дана Аюкой в 1677 г. и связана с обстоятельством смер-

ти в 1676 г. царя Алексея Михайловича и восшествием на престол его сына Федора Алексеевича.

Таким образом, можно считать, что шерть 1673 г. открыла новую страницу в истории русско-калмыцких отношений XVII века. Она во многом по характеру и содержанию отличалась от предыдущих подобных документов, поскольку обе стороны после непродолжительного времени политического кризиса на юге России и в калмыцком обществе смогли достичь соглашения, используя уже накопленный опыт предыдущих поколений. Поддержание традиции взаимоподдержки в условиях сложной международной ситуации в Восточной Европе предопределило укрепление позиции России в этом регионе, а калмыцкое общество, со своей стороны, обрело на долгое время внутреннюю стабильность.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 111, 119.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830.
2. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672 – 1675 гг. / сост. Н. Рогожин, М. Батмаев. Элиста, 2003.
3. Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI – XVII веков. Нальчик, 2001.
4. Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50 – 60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960.
5. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М., 2002.

ББК 63.3 (2) 45

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА И ГУБЕРНАТОРА В.Н. ТАТИЩЕВА ПЛАНУ ХАНШИ ДЖАН РАЗЫГРАТЬ ПЕРСИДСКУЮ КАРТУ В РУССКО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

И.В. Торопицын

Статья посвящена истории политического кризиса, начавшегося в Калмыцком ханстве после смерти Дондук-Омбо и связанного с желанием вдовы ханши Джан захватить власть, несмотря на противодействие царских властей. Стремясь к трону, Джан безуспешно пыталась опереться на поддержку персидского шаха.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкое ханство, Кабарда, Джан, Назир-шах, В.Н. Татищев, Бодонг, Арала, томуты, калмыcko-персидские переговоры.

The article is devoted to history of the political crisis which has begun in Kalmyk khanate after death of khan Donduk Ombo and connected with desire of the widow Dzhan to seize power. Despite of counteraction of authorities aspiring to a throne, Dzhan unsuccessfully tried to find support at the Persian shah.

Keywords: The Astrakhan province, Kalmyk khanate, Kabarda, Dzhan, V.N. Tatischev, Bodong, Arala, tomuty, the Kalmyk-Persian negotiations.

Борьба феодальных группировок за власть в Калмыцком ханстве, обострившаяся в начале 40-х гг. XVIII в., создала много проблем российским властям. Калмыки, действуя в русле российской внешней политики, играли важную роль в укреплении военно-политических позиций России на Кавказе и в Причерноморье. Поддержание стабильности в Калмыцком ханстве отвечало геополитическим задачам России в Кавказском регионе.

Для урегулирования междоусобных противоречий в калмыцкие улусы в 1741 г. был направлен тайный советник В.Н. Татищев, которому дали задание примирить враждующие группировки калмыцкой знати и утвердить в качестве наместника Калмыцкого ханства владельца Дондук-Даши, на кандидатуре которого российское правительство остановило свой выбор. В распоряжение В.Н. Татищева была предоставлена команда донских казаков численностью в 1000 человек. Он имел также право требовать себе помощи от руководства Персидской экспедиции, начальника которой – генерал-лейтенанта А.И. Тараканова (командовал войсками на Царицынской линии) – обязали оказывать В.Н. Татищеву необходимое содействие [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 127. Л.л. 15 об, 25, 25 об.].

Несогласную с данным решением партию калмыцких феодалов возглавила Джан, вдова хана Дондук-Омбо, кабардинка по происхождению. Оказывая активное силовое давление на калмыцких владельцев с помощью своих сторонников, в числе которых находился и Бодонг, брат Дондук-Даши, она стремилась утвердить ханом своего старшего сына Рандула.

Этот период в жизни Калмыцкого ханства характеризуется столкновениями противоборствующих группировок, разорением соперничающих улусов, гибелью значительной части калмыцкого населения. Напряженность в ситуацию вносила сложная обстановка на Кавказе, вызванная присутствием в Дагестане персидских войск, направленных Надир-шахом для покорения лезгин и других кавказских народов.

Под давлением российских властей калмыцкие владельцы вынуждены были согласиться с назначением на должность наместника ханства Дондук-Даши. 25 января 1742 г. Военная коллегия, получив донесение от командующего войсками на Царицынской линии генерал-лейтенанта А.И. Тараканова, отразившего Сенату об окончании Калмыцкой комиссии. А.И. Тараканов писал, что ханша Джан исполнила повеление правительства и принесла вместе со всеми калмыками присягу Дондук-Даши, назначенному наместником, отпустила бывшие при ней улусы. Все калмыки перешли кочевать на правую сторону реки Волги. В целом генерал характеризовал ситуацию в Калмыцком ханстве как весьма спокойную. Приданные Калмыцкой комиссии драгуны

и солдаты были отправлены на зимние квартиры [РГАДА. Ф. 248. Кн. 418. Л. 62 об.].

Вскоре после этого ханша Джан по совету зайсангов Аралы – Кусепа и Денжина – покидает пределы России и перебирается вместе с сыновьями к своим родственникам в Кабарду, которая стала по Белградскому договору (1739 г.) нейтральной территорией между Россией и Турцией. Вместе с ней из России уходят её сторонники и 400 кибиток томутов¹. По сведениям, доставленным донскому атаману Д. Ефремову из Крыма 26 февраля 1742 г. казаком В. Пушкаревым, вместе с Джан к Кабарде ушло 3 тысячи кибиток калмыков, которые обосновались «на Куринских вершинах». Эти сведения он получил от кубанского сераскира и ногайского Касая-мурзы [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 84. Л. 13].

18 февраля 1742 г. российский резидент И. Калужин сообщил из Дербента, что ханша Джан через тарковского шемхала ищет протекции персидского шаха [4, с. 317]. О том, что Джан ищет протекции персидского шаха, сообщил российским властям и наместник ханства Дондук Даши [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1742 г. Д. 39. Л. 2].

Джан рассчитывала на его содействие в решении вопроса о назначении Рандула калмыцким ханом и возвращении ему улусов Дондук-Омбо. Персидский Надир-шах, лагерь которого располагался в окрестностях Дербента, принимает посланца Джан некоего Эшема. Стороны обмениваются письмами и ведут устные переговоры. Рандул обосновывает свои претензии на ханский престол тем, что является законным наследником Калмыцкого ханства после своего отца Дондук-Омбо, который был утвержден в этой должности императорским указом. Рандул обращает внимание Надир-шаха на то, что его отец служил России во время минувшей русско-турецкой войны, в то время как нынешний наместник ханства Дондук-Даши якобы содержался в то время под арестом. Но после смерти отца ханский престол и все принадлежащие ему улусы достались не ему, а были отданы российским правительством Дондук-Даши. По этой причине он с родственниками и верными ему зайсангами вынужден был покинуть ханство и скрываться на русско-турецкой границе. Рандул выразил мнение, что причина подобного отношения к его семье со стороны российских властей кроется в том, что властям стало известно о тайных переговорах, которые вел с шахом его отец. Он знал, что Дондук-Омбо отправил пос-

¹ Томуты – выходцы из казахов, которые поселились с калмыками, часть томуты сохранила ислам, женилась на калмычках, выдавала за калмыков своих дочерей. При хане Дондук-Омбо их было около 600 кибиток. Командовал ими старшина Кусеп, который по приказу Дондук-Омбо многих калмыцких владельцев «перерезал». Дондук-Омбо имел томуты при себе в качестве личной охраны. Так же поступила и его вдова Джан.

ланца к Надир-шаху, когда тот был в Хивинском ханстве, что персидский шах принял его и направил ответную грамоту калмыцкому хану, которая попала в руки астраханских властей. По этой причине Рандул не знал содержания шахской грамоты, но был уверен, что российские власти будут теперь его преследовать [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1742 г. Д. 39. Л. 3 – 4].

Персидский шах согласился оказать помощь Рандулу в борьбе за ханский престол. Но, по словам зайсанга Денжина, объявил посланцам Джан, что, имея с Россией мир, он не может помогать ей силою, но будет ходатайствовать за нее перед российскими властями [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 395 об – 396]. Этот ответ не устроил Джан, и она направила нового посланника к Надир-шаху. Подробности новых калмыцко-персидских переговоров остались в тайне, но дворянин Мещеряков, находившийся в салтанаульских аулах, в своем донесении указал, что шах объявил присланным от ханши Джан, что намерен в апреле 1742 г. идти на Россию с войною [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. доп. Д. 16. Л. 46].

Российскими властями были предприняты энергичные шаги по возвращению Джан с ее сыновьями и сторонниками в Россию и предотвращению возможного ухода других калмыцких владельцев в Персию. Коллегия иностранных дел поручила 14 февраля 1742 г. астраханскому губернатору принять меры к пресечению «пересылок» ханши Джан с персидским шахом. Губернатор В.Н. Татищев потребовал от кабардинских и салтанаульских владельцев содействия в поимке мятежной ханши и её людей [Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. 1. С. 203 - 204, 225]. В письме к наместнику Калмыцкого ханства Сенат советовал принять меры к тому, чтобы никто из калмыцких владельцев не мог уйти к персидскому шаху [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1742 г. Д. 39. Л. 2 об.].

В Кабарду был направлен секунд-майор Е.В. Татищев, состоящий на службе при Комиссии калмыцких дел. Он стал свидетелем контактов Джан с посланником персидского шаха, прибывшим с ответом от Надир-шаха. Появление в Кабарде представителя российских властей смутило не только участников калмыцко-персидских переговоров, но и кабардинских князей, в присутствии которых осуществлялись эти контакты. Астраханский губернатор получил сведения, что посланника персидского шаха из Кабарды отпустили обратно, не дав ему никакого ответа. При этом братья Джан – М. Кургокин и К. Атажукин были против её контактов с Надир-шахом [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 396].

Переговоры Е.В. Татищева с мятежной ханшой и её кабардинскими родственниками проходили в атмосфере недоверия. Как отмечал Е.В. Татищев в своих показаниях, данных Воен-

ной коллегии 15 марта 1743 г., ханша Джан была весьма обнадеежена протекцией персидского шаха и не желала возвращаться в калмыцкие улусы, опасаясь за свою жизнь и судьбу своих детей. Секунд-майору пришлось достаточно долго пробыть в Кабарде, прежде чем удалось склонить Джан и её братьев к тому, чтобы она с детьми вернулась в Россию. По настоянию Е.В. Татищева кабардинские князья под полученные от астраханского губернатора гарантии безопасности для Джан и её детей в итоге выдали их ему. При этом томуты отказались возвращаться в калмыцкие улусы и направились на Кубань. Е.В. Татищев во главе своего отряда вместе с кабардинцами стал их преследовать и при переправе через реку Куму вступил с ними в бой. В ходе сражения было убито около двухсот томутов. Захваченных женщин и детей, принадлежавший томутам скот Татищев привел в калмыцкие улусы на Волгу вместе с Джан и её детьми [РГАДА. Ф. 248. Кн. 424. Л. 4 и об.]. Однако значительной части томутов во главе с владельцем Кусепом все же удалось пробиться и уйти на Кубань [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1744 г. Д. 11. Л. 3].

Покидая Кабарду, Джан оставила там зайсанга Аралу для продолжения переговоров с Надир-шахом, посланник которого отказался вести их в присутствии российских представителей в Кабарде. По возвращении в Россию Джан, убедившись, что ситуация с решением вопроса о возвращении ей улусов мужа, складывается не лучшим образом, решает бежать в Персию. Однако обстоятельства (усиленный надзор со стороны российских властей и болезнь сына её сторонника Бодонга) помешали ей осуществить задуманное. Джан решила переждать лето и с наступлением осени повторить попытку побега из России, приказав своим сторонникам ожидать от нее приказаний, которые должны были передать зайсанги Денжин или Нюдель.

Подробности переговоров между Джан и Надир-шахом стали известны властям в результате расследования, которое провел астраханский губернатор В.Н. Татищев, допросивший в качестве свидетелей приближенных Джан. В его руках оказались письма от Надир-шаха к ханше Джан, которые передал зайсанг Денжин. Они стали документальным свидетельством стремления части калмыцких феодалов покинуть пределы России. Татищев добивался получения черновиков тех писем, которые писала сама Джан персидскому шаху, а также самого первого письма персидского шаха к ней, но Денжин ответил, что эти письма увез с собой на Кубань томутский зайсанг Кусеп [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 399 об.].

С целью недопущения ухода калмыков за границу по указанию В.Н. Татищева улусы Джан были переведены за Царицынскую укрепленную линию, семья Бодонга была арестована, а самого

его верным калмыкам приказано было захватить за солидное вознаграждение живым или мертвым [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 396 и об.]. Правительство одобрило меры, предпринятые астраханским губернатором, и предписало тайно разведать о том, не было ли контактов с посланниками Надир-шаха у самого наместника ханства Дондук-Даши.

20 июля 1742 г. брат наместника Бодонг вместе с младшими детьми Джан сбежал из-под Астрахани в Кабарду. В том же году ханша Джан со старшим сыном Рандулом была выслана в Санкт-Петербург, где ее впоследствии крестили под именем Веры Дондуковой.

Возвращение детей Джан стало новой насущной заботой астраханских властей. Посланные в Кабарду из Астрахани дворяне, возвратившись 5 октября 1742 г., объявили, что Бодонг «их едва на краткое время к себе допустил, а затем ни с кем видаться не дал». Отказ вступить в переговоры с представителями российских властей мотивировался опасением подвергнуться репрессиям. Бодонг был уверен, что российские власти арестовали его брата Дондук-Даши и даже лишили его жизни [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 395]. Допросив одного из приближенных Джан зайсанга Денжина, астраханский губернатор выяснил, что ханша отдала приказ Бодонгу не возвращаться в Калмыцкое ханство. Видя, что её хитрость раскрыта, Джан вынуждена была сознаться, но взяла всю вину на себя, выгораживая своих зайсангов. Несмотря на это, В.Н. Татищев приказал приставить к ханше двойной караул и велел посторонним без разрешения к ней не пускать, а зайсангов Денжина, Нюделя и Цаичия отдал указание содержать под арестом [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 395 и об.].

31 октября 1742 г. астраханский губернатор направил в Санкт-Петербург новое донесение, в котором сообщил дополнительные подробности о калмыцко-персидских переговорах. Ему стало известно, что ханша Джан уговаривала Надир-шаха прислать войска для принятия её с детьми и всех ее сторонников в персидское подданство. Присланному от персидского шаха посланцу Рандул в присутствии зайсангов Кусепа, Аралы и Денжина принес присягу на подданство. Калмыцкие владельцы утверждали, что без военной помощи со стороны Надир-шаха им не удастся прорваться в Персию, так как им будут препятствовать в этом горские владельцы и российские войска. По сведениям В.Н. Татищева, шах принял эти доводы и обещал прислать за ними войско, только не уточнил, в каком количестве [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 454].

В конце октября 1742 г. в Астраханскую губернскую канцелярию поступило письмо от бригадира Фролова-Бегреева, командовавшего войс-

ками на Царицынской линии, который сообщил, что ему стало известно о намерении персидского шаха принять в подданство всех калмыков. Его информатор утверждал, что персидский шах через одного из жителей Кизляра уговорил всех калмыцких старшин, в том числе и самого Дондук-Даши, перейти под его покровительство. Астраханский губернатор не поверил этим сведениям, так как считал, что у наместника Калмыцкого ханства не было причин изменять России. Он понял, что эти сведения касались ханши Джан и ее сторонников, поэтому дал секретное наставление дворянам, которые находились в калмыцких улусах, чтобы они собирали сведения о фактах переписки наместника и других зайсангов с зарубежными правителями [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 454 об., 455]. Тем не менее, до Дондук-Даши дошла информация о том, что его подозревают в связях с шахом. Об этом указывалось в письме, которое ему передал начальник Персидской экспедиции генерал-лейтенант А.И. Тараканов. В.Н. Татищев постарался погасить конфликт, объяснив наместнику, что переводчики А.И. Тараканова ошиблись и неправильно передали содержание письма, что наместника никто не подозревает, а содержание касается только ханши Джан и ее людей. Дондук-Даши принял извинения астраханского губернатора, но, по словам В.Н. Татищева, при этом «весьма не весел остался» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 455 об.].

В начале 1743 г. из Астрахани в Кабарду для захвата салтанаульских татар был направлен военный отряд под командованием астраханского коменданта полковника Ф. Кнутова. В секретной инструкции, данной астраханским губернатором дворянину Ф. Черкесову, посланному с этим отрядом, отдельными пунктами было предписано требовать от кабардинских князей М. Кургокина, К. Атажукина и других выдачи детей хана Дондук-Омбо и всех находящихся при них калмыков [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184. Л. 32 и об.]. При этом Ф. Черкесову было поручено стараться выманить из Кабарды ханских детей и целыми и невредимыми доставить в Астрахань или Кизляр, а Бодонга и зайсанга Аралу рекомендовалось захватить живыми или мертвыми [АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. 1743 г. Д. 12. Л. 46].

Кабардинские владельцы не сразу подчинились требованию астраханских властей. Ф. Черкесову пришлось их заверить, что наместник Калмыцкого ханства не причинит никакого вреда ни детям Дондук-Омбо, ни тем калмыцким владельцам, которые вернутся с ним в Россию. Когда же переговоры о выдаче калмыков из Кабарды завершились, выяснилось, что Бодонгу со своими сторонниками удалось скрыться [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184. Л. 274].

Бодонг со своими людьми хотел уйти к персидскому шаху, но не был пропущен через пограничные российские форпосты. При прорыве через границу его отряд был разбит. Бодонг отступил и некоторое время скитался в предкавказских степях, нападая на соплеменников. Во время одного из таких междоусобных столкновений на реке Байволе при урочище Хнитубе в сражении с войсками наместника Калмыцкого ханства был убит зайсанг Арала – ключевая фигура в калмыцко-персидских переговорах, его сторонник зайсанг Цойжип был взят в плен [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184. Л. 275]. Потерпев в марте 1743 г. поражение от отрядов Дондука-Даши, Бодонг ушел в сторону Кабарды. Астраханский губернатор призвал владельцев баксанской партии при случае арестовать Бодонга и выдать в Кизляр [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184. Л. 275], но обнаружить его не удалось. Впоследствии выяснилось, что Бодонг ушел на Кубань, где был принят сераскиром Салим-Гиреем. Несмотря на настойчивые просьбы российских властей, кубанский сераскир отказался выдать его России и просил, чтобы его простили [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1744 г. Д. 11. Л. 3 об., 4 об.].

После гибели зайсанга Аралы контакты представителей партии Джан с Надир-шахом более не возобновлялись, однако, известно, что наместник Калмыцкого ханства сам вступил в тайную переписку с правителем Персии. Так, 29 мая 1745 г. полковник Н.Г. Спицын, состоящий от российского правительства при наместнике Калмыцкого ханства, донес, что Дондук-Даши намеревается перейти на сторону Персии. Впрочем, смерть Надир-шаха в 1747 г. положила конец надеждам наместника ханства и части калмыцких феодалов сменить российское подданство на персидское.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20, 482.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 77, 115, 119.

Архив князя Воронцова. Т. I. М., 1870.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248.

Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394.

ББК 81.2(2Рос)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ МОНГОЛЬСКИХ И КАЛМЫЦКИХ БОЕВЫХ ЗНАМЕН

Н.Н. Убушаев

Статья посвящена некоторым вопросам, связанным с семантикой калмыцких и монгольских боевых знамен.

Ключевые слова: *знамя, цветовые маркеры, символика числа девять.*

The article is devoted to some problems connected with semantics of Kalmyk and Mongol war banners.

Ключевые слова: *banner, colour markers, symbolics of the 9.*

В древности возвеличивание героя, батыра-богатыря, видимо, передавалось через воспевание, через украшение его коня. Так, на Ленских писаницах курыканского времени лошади имеют на голове роскошный, расширенный кверху начельник в виде султана из перьев или волос, с узды свисает столь же пышная подшейная кисть, или науз [1, с. 143]. Султаны, подшейные кисти имели магическую силу, служили оберегами и в тоже время означали высокое общественное положение владельцев коней [1, с. 145].

Конь является верным другом своего хозяина, храбрым товарищем и умным советчиком. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» конь также выступает как друг, товарищ и советчик. Более того конь упоминается в эпитетике героя, например, «*Күүкн күүрң Һалзнта күүнд Һарта Савр*» – «Савар тяжелорукий, у которого лы-

сая темно-бурая кобылица». Описание процесса обрядования коня, седлания его предшествует рассказу о самом богатыре.

На Ленских писаницах у некоторых всадников в руках имеется знамя, которое, как нам представляется, является показателем известности носителя знамени. На рисунке с «Писаной Горы» изображен скачущий всадник. В одной руке у него повод, в другой руке – копьё с двумя флажками, вероятно, обозначающими в схематической форме хвосты [1, с. 149]. Здесь, скорее всего, представлен индивидуальный знак – флаг воина, настоящие же знамена, как считает А.П. Окладников, были в виде широких прямоугольных полотнищ. По свидетельству Ю.Н. Рериха, бунчук, или значок командующего (уйгурский или монгольский туу) из конского хвоста подвешивался под перекрестье копья или наверх в